

УДК 902.01, 903.24-25

**КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА
(зона водохранилища Богучанской ГЭС)**

В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов

**CULT-OBJECTS FROM THE BURIAL COMPLEX OF THE UST-KOVA SITE
(the area of the Boguchanskaya hydro-electric power station water storage reservoir)**

V. P. Leontiev, N. I. Drozdov

Археологические памятники Северного Приангарья (ныне площадь водохранилища Богучанской ГЭС) эпохи палеометалла нередко содержат предметы, которые в древности, судя по всему, у местных обитателей имели культовое значение. К таковым следует отнести ряд погребальных изделий из железа и бронзы, которые были обнаружены в захоронениях на стоянке-могильнике Усть-Кова в этом регионе.

Archeological sites of the Northern Angara (the area of the present Boguchanskaya Power Station water storage reservoir) of the Paleometal Epoch rather often contain the objects that appear to have had a cult meaning for the local inhabitants in ancient times. Among such objects, we can note a number of objects made of iron and bronze. The objects were found in the graves at the burial-site of Ust-Kova in this region.

Ключевые слова: археология, Северное Приангарье, палеометалл, ритуальные сооружения, могильник, обряд, реконструкция.

Keywords: archaeology, North Angara area, palaeometal, ritual constructions, cemetery, rite, reconstruction.

Стоянка Усть-Кова была открыта в 1937 г. академиком А. П. Окладниковым.

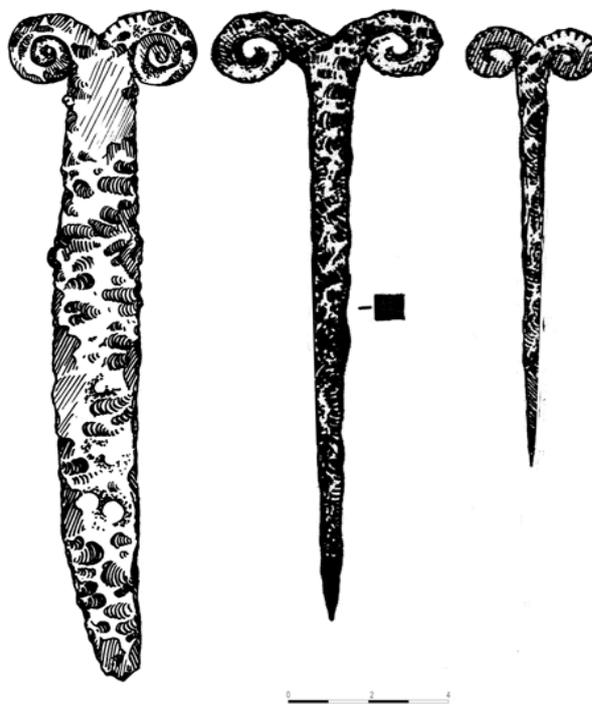
На протяжении 40 лет, до затопления памятника водами Богучанского водохранилища, здесь проводились комплексные археологические исследования экспедициями Красноярского государственного педагогического института (университета), Иркутского государственного университета, Института археологии и этнографии СО РАН. Результаты археологических работ дают право предполагать, что в эпоху палеометалла стоянка была священным местом для обитавших здесь таежных племен.

Обдуваемая площадка, террасы, обилие рыбы в реках и диких животных в окрестной тайге издревле делали это место во всех отношениях удобным и привлекательным для аборигенов тайги. На протяжении тысячелетий, начиная с эпохи палеолита, вплоть до настоящего времени, человек с завидным упорством обживал эту местность.

Часто конкретные географические объекты (гора, река, перевал и т. д.) в представлениях аборигенов Сибири были местом обитания духов и предметом поклонения им. Это находит подтверждение в многочисленных работах ряда исследователей [6]. Вероятно, таким местом обитания духов была гора Седло, к подножию которой примыкает площадь стоянки. Здесь, на ангарской террасе, был найден могильник и культовые сооружения для совершения поминальных обрядов.

Культовые сооружения представляют собой каменные «ящики» прямоугольной формы длиной 1,5 – 1,8 и шириной 1 – 1,5 метров, выполненные из крупных речных валунов, поставленных на ребро. Стенки этих сооружений с внутренней стороны носят следы обжига и копоти. Внутри сооружений находятся мелкие камни, под которыми располагаются зольные пятна с остатками кремированных костей и сажистыми линзами, вокруг прослеживается прокол ярко-

оранжевого цвета с вкраплениями мелких угольков [8]. Вероятно, эти сооружения имеют отношение к погребальному комплексу стоянки. В них во время поминальных тризн и жертвоприношений разводили огонь, осуществляли различного рода магические обряды и действия.

Рис. 1. Стоянка Усть-Кова. Погребальный материал из захоронений с навершиями в виде барьих рогов (1 – нож, 2 – проколки)

Кроме ритуальных сооружений из камней, на памятнике обнаружено и раскопано двенадцать погребений, четыре ритуальных захоронения предметов из

металла и два захоронения изделий из кости. Во всех случаях обращает на себя внимание то, что металлические предметы ритуальных захоронений находились в вертикальном положении. Вероятно, изначально вещи помещались в каких-то емкостях, о чем свидетельствуют частички органического происхождения, обнаруженные на металле. Спекшиеся песчинки на поверхности изделий дают основание предполагать, что вещи перед погребением подвергались ритуальному сожжению. В одном случае изделия из кости были помещены в керамический сосуд круглодонной формы. Верхний край венчика слегка отогнут наружу и утолщен небольшим налепом, орнаментированным тремя горизонтальными рядами наклонных оттисков прямого плоского штампа. Тулово украшают три ряда наклонных линий, образованных тонкими примазанными к поверхности сосуда шнурами. Орнамент тулова сосуда очень близко напоминает орнамент на накладке лука из трех ломаных линий. С внешней стороны стенки сосуда имеют черный цвет от пребывания в огне, следы которого отмечены также на изделиях из кости. Верхний край венчика в двух местах украшают попарно расположенные треугольные налепы, орнаментированные вертикальными оттисками плоского штампа. На дне сосуда, с внешней стороны, остались следы налета, который может свидетельствовать о том, что у сосуда был поддон. Один из таких поддонов, орнаментированный четырьмя горизонтальными рядами вертикальных оттисков прямого штампа, был найден во время раскопок. Высота поддона – 3,5 – 4 см, диаметр основания – 10,5 см, диаметр посадочного места тулова сосуда на поддон – 7,5 см. Очень вероятно, что этот керамический сосуд является имитацией бронзовых скифских котлов на поддоне.

Набор предметов комплекса достаточно разнообразен. Здесь обнаружены различные по форме и размерам железные ножи и тесла, наконечники стел, подвески, украшения из железа и бронзы, сложноставные железные изделия.

Ряд предметов погребального инвентаря особенно интересен для понимания отдельных элементов духовной культуры аборигенов тайги.

Многие предметы этого погребального комплекса имеют в своем оформлении черты, близко напоминающие изображения барана. К ним относятся проколки и нож с навершиями в виде бараньих рогов (рис. 1), украшенными неглубокими насечками.

Однако самыми интересными, бесспорно, являются составные изделия из железа (рис. 2). Основные элементы этих предметов представлены деталями в виде двух колец различных диаметров с перекрученным соединением между ними. Скрепленные между собой детали образуют изделие, композиционно дополняемое псалиевидной подвеской, к которой при помощи кольцеобразного навершия на рукояти прикреплен нож. Этот предмет, вероятно, имеет многофункциональное культовое значение (баран, шаман) (рис. 3). Ножи с петлеобразным навершием являются непременной деталью в конструкции всех трех изделий, найденных на стоянке. Использовать ножи в хозяйственно-бытовых целях, не сняв с подвески, не-

возможно. Снять же нож, не разрушив псалиевидную подвеску или кольцо, было нельзя. Возможность ношения подобных изделий в виде украшений исключало наличие все того же ножа. Вероятнее всего, они использовались для проведения ритуальных обрядов. Присутствие в конструкции изделия ножа можно объяснить существовавшим у некоторых народов Сибири обряда "оживления" изготовленных шаманских атрибутов. Якуты закаливали выкованные шаманские атрибуты в крови животного, принесенного по этому поводу в жертву, буряты "оживляли" изображение духа, помещая его в рану барана; считалось, что жизнь издыхающего барана (его дух) переходит в ритуальный предмет. Подобно приведенным примерам, предметы Усть-Ковинского могильника, вероятнее всего, использовались для подобного рода обрядов "оживления". Нож использовался для умерщвления животного, а остальная конструкция, выполненная по принципу цепочки, создавала иллюзию шевеления и "оживления" предмета, пока животное агонизировало в предсмертных судорогах. Вероятнее всего, эти предметы являлись своего рода оберегами.

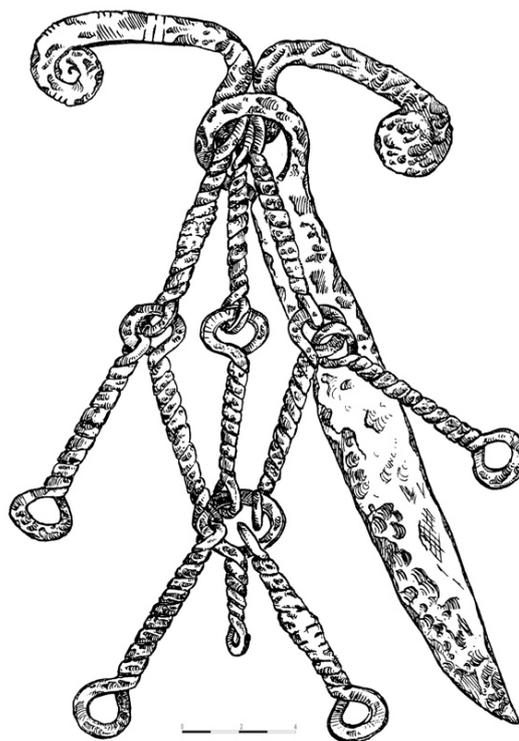

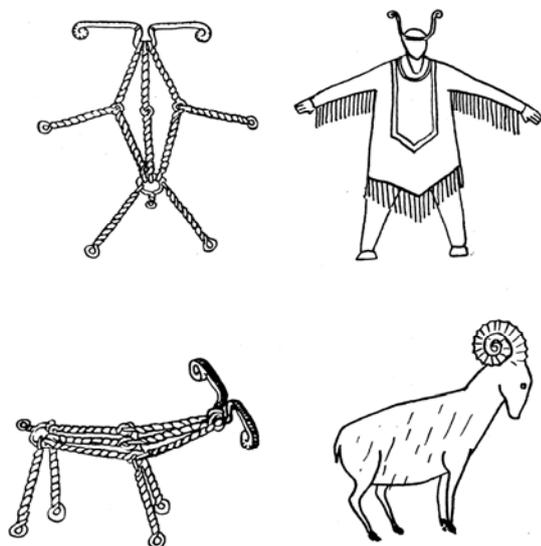
Рис. 2. Стоянка Усть-Кова. Сложносоставное изделие из железа

Присутствие "бараньей символики" в культовых предметах памятника таежной зоны нехарактерно для этого региона и вызывает ряд вопросов. Баран как символ появляется на петроглифах Северной Азии еще в неолите – бронзовом веке – и относился, должно быть, к солнечной символике. Наибольший "расцвет" барана как символа приходится на скифскую эпоху. По всей Азии баран считался охранителем границ, стимулятором плодородия, здоровья, безопасности. В скифскую эпоху баран (козел) являлся одним

из наиболее важных символов в системе мировоззрения степного и лесостепного населения Сибири.

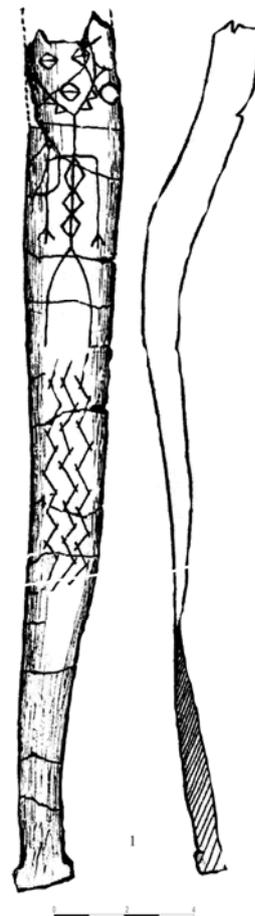
В эпоху средневековья, несмотря на сменяющуюся этнокультурную обстановку, баран как символ продолжает существовать в верованиях. Совершенно очевидно, что контакты между степным и таежным населением Сибири существовали всегда, правда, степень их взаимодействий в разное время была различной.

Благодаря подвижности своей конструкции, изделие может принимать вид антропоморфного изображения – "шаман в рогатой шапке". Удерживая предмет в вертикальном положении, увидим, что антропоморфная фигура имеет четкие пропорции, туловище в виде ромба в вертикальном направлении разделено "линией жизни" шамана, на голове рогатая шапка с закрепленной на ней "шаманской саблей", при помощи которой он ведет борьбу со злыми духами. Антропоморфная фигура имеет подчеркнутые признаки мужского пола.

Рис. 3. Стоянка Усть-Кова. Примеры трансформации сложносоставного изделия

По стилю этой фигуре очень близко антропоморфное изображение на костяной обкладке лука. Туловище выполнено тремя ромбами, расположенными в вертикальной плоскости, сверху вниз их пересекает "линия жизни" шамана (рис. 4).

Рис. 4. Стоянка Усть-Кова. 1-накладка лука с антропоморфным изображением (кость)

По этнографическим свидетельствам, сибирские аборигены делили вселенную на три основные сферы: Верхний Мир, отождествляемый с небом, небесными светилами, местом – обиталищем "бессмертной" души и добрыми божествами; Средний Мир – наша земля с водами, сушей, лесами и горами, людьми и животными; Нижний Мир, где обитали злые божества и вообще темные силы; здесь также находилась страна мертвых, куда после смерти человека уходила его душа – тень [1; 13]. Именно в этом отношении большой интерес для нас представляет костяная накладка лука, имеющая гравировку, сюжет которой можно представить как вертикальную модель мира. Верхняя часть накладки обломана, и поэтому можно только предполагать, что на ней был изображен Верхний Мир. Хорошо сохранилась фигура человека (возможно шамана), лицо с приостренным подбородком, с четко изображенными в виде ромбов глазами и ртом, в середине которых имеются горизонтальные черточки, имитирующие разрезы рта и глаз. Овал лица обрамляет украшение (борода?) в виде треугольников. Голова изображена на длинной шее. Фигура человека имеет широкие плечи, трехпалые руки, тело изображено в виде трех вертикально расположенных ромбов, соединенных между собой. Ромбы по вертикали пересекает прямая линия, переходящая в широко расставленные ноги, линию можно представить как "линию жизни" шамана. Вероятно, этот сюжет имеет от-

ношение к Среднему Миру. Под фигурой человека накладку украшают три вертикальных ломаных линии, подобным образом часто у многих народов Сибири изображали змей или ящериц [12]. Те и другие имели отношение к тотемам. Селькупы считали змею покровительницей и охранительницей души-тени во время путешествия последней в Мир Мертвых [11]. У кетов змея олицетворяла мудрость, тайны земли и Нижнего Мира. Похожую роль выполняла ящерица. Она была ближайшим духом-помощником эвенкийского шамана в его путешествии по Нижнему Миру; ей, в отличие от шамана, были доступны абсолютно все закоулки этого мрачного царства [5]. Видимо, изображения змей и ящериц на шаманских костюмах кетов, селькупов и других племен имели цель облегчить и обезопасить путешествие шамана по преисподней. Можно предполагать, что змея и ящерица издревле олицетворяли таинства страны мертвых, символизировали Нижний Мир Вселенной.

Культурное содержание антропоморфных фигур вполне очевидно. На них изображены именно шаманы, которые в прошлом у лесных племен занимали важное место в общественной жизни.

Судя по археологическим данным, шаманский комплекс, возникший еще в процессе перехода от камня к металлу (глазковское время), для района Прибайкалья и долины Ангары, когда обнаруживаются первые шаманские захоронения со специфическим инвентарем, полностью складывается во второй половине второго – начале первого тысячелетия до нашей эры [9; 3].

Уникальным по своему содержанию является шаманское погребение, найденное в 1990 г. на мысовой части при впадении р. Ковы в Ангару. На глубине 0,57 м от дневной поверхности, в буровато-коричневой супеси, зафиксирована каменная кладка из крупных речных камней, под которой прослеживался контур могильной ямы размером -1,9 м по линии север-юг, и -0,9 м по линии запад-восток. Мощность заполнения, составила 0,35 – 0,40 м. Костяк погребенного в вытянутом положении на спине ориентирован в западном направлении параллельно течению реки, руки вытянуты вдоль туловища, череп лежащий глазницами вверх слегка раздавлен, справа от черепа зафиксирована нижняя челюсть.

На груди погребенного обнаружены остатки мешочка из толстой кожи (лось?), в котором находились две бронзовые антропоморфные фигуры, наложенные одна на другую и обращенные лицом вверх [7].

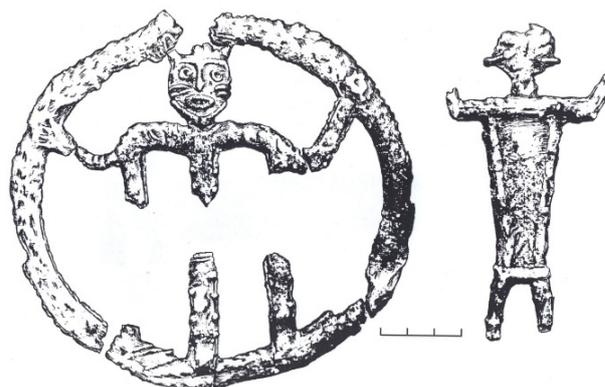

Рис. 5. Стоянка Усть-Кова. Антропоморфные изображения из бронзы

Верхняя фигурка представляла собой изображение человека в фас (рис. 5, 2). Высота изделия – 0,13 м. Круглая голова соединяется с туловищем длинной шеей. Черты лица хорошо детализированы. Глаза в форме симметрично расположенных овальных выпуклостей, такие же выпуклый прямой рот и нос. На щеках расположены рельефно выступающие линии, возможно, имитирующие татуировку. Туловище в форме перевернутой равнобедренной трапеции с широко расставленными ногами. Руки подняты вверх, предплечья расположены параллельно земле. Туловище по периметру обрамлено округлым валиком, украшенным выпуклыми горизонтальными линиями. Этот же прием использован в оформлении рук и ног.

Второе антропоморфное изображение расположено в бронзовом кольце диаметром 0,18 м, ширина полосы, образующей это кольцо, – 0,15 м (рис. 5, 1). Туловище, вероятно, было выполнено тремя вертикальными параллельными полосами, фрагментарно сохранившимися до настоящего времени. Плечи широкие, руки подняты вверх, кисти покоятся с внешней стороны на поверхности кольца. На правой руке четко выражено пять коротких пальцев, три пальца левой руки уничтожены процессом окисления металла. Черты лица достаточно хорошо детализированы. Голова увенчана трехрогой короной, рельефно выступают надбровные дуги, такой же рельефно выступающий приостренный нос. Глаза имеют форму симметрично расположенных выпуклых кругов с углублениями в центре. Щеки, как и у первой фигурки, украшены двумя выпуклыми параллельными линиями, отчетливо моделированы крутые скулы. Широко раскрытый овальной формы рот, видны острые зубы по два сверху и снизу. Подбородок покоится на широком выступающем «воротничке».

Оба изделия изготовлены способом плоского литья, тыльная сторона не обработана.

В районе грудной клетки, кроме бронзовых антропоморфных фигур, найдено 22 подвески из зубов марала с биконическими отверстиями для подвешивания. У левого локтевого сустава находились изделия из кости и камня, среди которых: костяной двусторонний гарпун, трубчатый игольник с двумя кос-

тяными иглами, прямоугольная в сечении костяная игла с ушком и костяное острие, использовавшиеся вероятно для вязания сетей, здесь же найден каменный наконечник копья. В скоплении предметов обнаружен кусочек охры, мелкие кусочки охры и три подвески из зубов марала найдены у коленных суставов. С внешней стороны у правого бедра обнаружено 20 каменных наконечников стрел, располагавшихся компактной группой, можно предположить, что когда-то они находились в колчане. Здесь же обнаружена тонкая костяная обкладка лука, длиной 0,6 м и шириной 0,03 м.

На территории Западной и Восточной Сибири известно несколько антропоморфных изображений, заключенных в кольцо, обнаруженных преимущественно на памятниках таежной зоны [5]. Пожалуй, последней на сегодня подобной находкой стала ажурная бляха из могильника бронзового века Курма XI на о. Байкал [2].

Подобные изображения появляются на территории Сибири в эпоху бронзы и, трансформируясь, доживают до этнографической современности. Аналогичные находки с поселения Завьялово и из района с. Напас на р. Тым (Западная Сибирь) трактуются М. Ф. Косаревым как предметы, имеющие отношение к соляному и астральному культам.

По всей вероятности в древности и в эпоху средневековья необычайно популярной среди таежного населения Сибири была концепция микрокосмоса, суть которой заключается «в признании души человека некой замкнутой и целостной системой, устроенной разумно и целесообразно и, самое главное, являющейся зеркальным отражением вселенной – макрокосмоса» [4, с. 95].

С шаманскими ритуальными культами связаны писаницы у д. Манзя. Отдельные детали нижнеангарских писаниц безусловно заимствованы у населения степей. Наличие "скифских" котлов на Манзинской писанице является наглядным свидетельством влияния степной скотоводческой культуры. Оттуда же, с юга, проникли на Ангару образы всадника на коне. Следы культурных и, может быть, этнических контактов со степными племенами нашли отражение в наскальном искусстве Приангарья в эпоху бронзы и раннего железного века. "Образы и символы тагарцев и таштыкцев в виде крестов, "скифских" котлов и фигур всадников скрещиваются здесь с "исконными" охотничьими верованиями и обрядами лесных охотников, с первобытным тотемизмом и почитани-

ем лося, с ритуалом охотничьих игр" [10, с. 141]. Этот своеобразный культурный синкретизм тайги и степей, сложившийся в I тыс. до н. э. и устойчиво существовавший, вероятно, много веков позже, определил во многом облик той своеобразной религии сибирских племен, которая известна как шаманизм [10].

Во всех раскопанных погребениях и ритуальных захоронениях стоянок Усть-Кова были зафиксированы следы присутствия огня. Причем степень его присутствия в погребениях, относящихся к V – XII вв. н. э., достаточно высока. Этнографические материалы, рассказывающие об отношении аборигенов к огню, разнообразны и противоречивы. Огонь был очистительным и охранительным средством, оскверненные предметы держали над огнем, после похорон, возвращаясь с кладбища, перешагивали через костер, окуривались дымом. Кеты, селькупы и другие народы считали, что сожжение умерших людей и животных означает уничтожение его души и исключает возрождение. Другие же, наоборот, считали сожжение "чистым" и надежным средством доставки богам посвященной им жертвы. Очень возможно, что обряд трупосожжения применялся к членам рода, занимавшим особое положение в обществе.

Присутствие огня в культовых захоронениях вещей объясняется тем, что сожжение было способом их доставки в загробный мир. Многие народы Сибири считали огонь живым существом, которое надо было кормить, оно могло быть добрым и злым, оно рождалось и умирало. Большим грехом считалось плевать в костер, бросать в него мусор. Огонь у многих народов Сибири был символом благополучия семьи. Огонь давал тепло и свет, защищал от диких животных, помогал выжить в суровых условиях таежной Сибири.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы дают возможность реконструировать, опираясь на этнографические данные, обряды и обычаи, связанные с деятельностью аборигенов тайги и их представления об устройстве мира. Уникальные археологические материалы и свидетельства природного характера позволяют думать, что Усть-Кова на протяжении длительного времени было не только местом погребения умерших, но и местом отправления различных обрядов и жертвоприношений.

Литература

1. Анучин В. И. Очерк истории шаманства у енисейских остяков // МАЭ. 1914. Т. II. Вып. 2. С. 17 – 18.
2. Горюнова О. И., Вебер А. В. Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (о. Байкал) // Археология этнография и антропология Евразии. 2003. № 4(16). С. 110 – 116.
3. Дроздов Н. И. Кординское погребение с антропоморфными фигурами из бивня мамонта // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1974. Ч. 1. С. 34 – 37.
4. Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
5. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 242 с.
6. Кызласов Л. Р. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. 1982. № 2. С. 83 – 93.
7. Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. Уникальная находка со стоянки Усть-Кова // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. С. 19 – 22.

8. Леонтьев В. П., Степанов С. Г. Археологические работы на многослойном памятнике Усть-Кова в Кежемском районе Красноярского края // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 125 – 128.
9. Окладников А. П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. 1948. Вып. X. С. 202–225.
10. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М; Л.: Наука, 1966. 321 с.
11. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 205.
12. Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII – III в. до н. э. Томск, 1977. С. 31.
13. Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире // МАЭ. 1961. Т. XX. С. 66.

Информация об авторах:

Леонтьев Виктор Павлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Красноярской лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири, krasurao@krasurao.ru.

Viktor P. Leontiev – Candidate of History, Research Associate at Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia.

Дроздов Николай Иванович – директор Красноярского филиала УРАО, доктор исторических наук, профессор, заведующий Красноярской лабораторией археологии и палеогеографии Средней Сибири, krasurao@krasurao.ru.

Nikolay I. Drozdov – Director of Krasnoyarsk branch of University of the Russian Academy of Education, Doctor of History, Full Professor, head of Krasnoyarsk Laboratory for Archaeology and Palaeogeography of Middle Siberia.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.